

Якупов Риф Исмагилович**Yakupov Reef Ismagilovich**

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института истории,
языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН,
проректор по научной работе Российского
исламского университета Центрального духовного
управления мусульман России

D.Phil. in History, Professor,
Leading Research Fellow,
Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences,
Vice-Rector for Research, Russian Islamic University
of the Central Spiritual Muslim Board of Russia

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В «НОВОЙ» РОССИИ. ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН РОССИИ

THE REVIVAL AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTIONS OF ISLAMIC CULTURE, SCIENCE, AND EDUCATION IN THE “NEW” RUSSIA. ISLAMIC UNIVERSITY OF THE CENTRAL SPIRITUAL MUSLIM BOARD OF RUSSIA

Аннотация:

Статья посвящена анализу факторов и тенденций в возрождении и развитии систем духовного мусульманского образования в России в постсоветское время. В работе используются опубликованные первоисточники и специальная литература, а также материалы и опыт, накопленные автором в процессе организационной работы в должности проректора Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России (РИУ ЦДУМ). Представлены периодизация процесса развития систем духовного мусульманского образования и характеристики выделенных этапов. Особый акцент сделан на истории возрождения и становления исламской научно-богословской школы в Уфе, ее образовательной основы – РИУ ЦДУМ России, имеющей свои отличительные черты в уже сложившейся, новой системе мусульманского духовного образования. Обозначены основные противоречия в развитии систем российского духовного образования применительно к разным конфессиям. Даны обобщения относительно возможных тенденций дальнейшего развития исламских наук, культуры и систем образования.

Ключевые слова:

атеизм, религия, наука, образование, культура, ислам, православие, религиоведение, исламоведение, теология, политика, государство, общество.

Summary:

The study analyzes the factors and trends in the revival and development of spiritual Muslim education systems in Russia in the post-Soviet period. The research is based on published sources, special literature, and personal experience gained by the author as a Vice-Rector of the Russian Islamic University of the Central Spiritual Muslim Board of Russia. The development stages of the systems of spiritual Muslim education are determined, and their characteristics are given. The author focuses on the history of the revival and establishment of the Islamic scientific and theological school in Ufa and its educational basis, i.e. the university under review, having the distinctive features in the current system of Muslim religious education. The study notes the main contradictions in the improvement of Russian spiritual education systems in relation to different denominations. The possible trends in further development of Islamic sciences, culture, and education systems are generalized.

Keywords:

atheism, religion, science, education, culture, Islam, Orthodoxy, religious studies, Islamic studies, theology, politics, state, society.

В первой четверти XX столетия после революции в России религия и государство официально были отделены друг от друга, что нашло закрепление в Конституции и других законах. Формально государство обязывалось не вмешиваться в дела религии и не ограничивало «свободы совести» граждан России. Но на деле атеистическая идеология скоро (уже к середине 1920-х гг.) поставила религию в подчиненное положение. История этого «70-летнего» [2] противостояния в целом известна. Здесь мы подчеркнем лишь некоторые важнейшие культурологические последствия этой политики. Наша оценка нейтральна. Это, как и предполагает рациональный науковедческий анализ, лишь констатация фактов в осмыслении как причин, процессов, так и следствий. Вместе с тем последствия внутренней политики ограничения свобод [3; 4] в сфере религии носили довольно серьезный, даже факторный характер.

Прежде всего сменилась идеология. В последующем некоторые культурологи, особенно в постсоветское время, даже допускали по отношению к коммунизму такой термин, как «новая вера» (религия). Но здесь важно, что в 1920-е гг. в государстве в принципе победил атеизм. Он и стал основной парадигмой мировоззрения граждан.

Вторым следствием стало построение новой концепции обучения и воспитания. Была построена новая многоуровневая система государственного образования. И если на высших его ступенях имела место некоторая преемственность, в основном в силу бытования в высшей школе (вузах), а тем более в науке рациональных методов, то на стадии начального и среднего образования это была совершенно новая, невиданная ранее и разрушающая многовековые устои и представления система всеобщего просвещения и образования. Ее можно оценивать по-разному, но для нас важно, что старые системы, во многом связанные с институтами религии (православной или мусульманской), были забыты, так что к началу 1990-х, когда СССР распался, в стране почти не осталось людей, знающих, как организовать работу религиозного учебного заведения.

Третьим следствием можно считать глобальную реформацию систем развития науки. Это касается ее институтов, парадигматики, проблематики, форм трансляции знаний и информации и персоналий. Буквально за десятилетие (1920-е – начало 1930-х) в стране ученые почти поголовно стали атеистами. Такие науки, как богословие и теология, перестали существовать. В религиоведении, которое, кстати, тоже стало атеистическим, это отразилось на формах, методах и проблематике.

Возобладало внешнее изучение религии. И если в первой половине столетия в историографии еще встречались научные (светские) работы об исламе, основанные на достаточно глубоко понимании его внутренней сути [5], то во второй половине в основном велись культурологические, описательные исследования, констатирующие бытование в исламских обществах тех или иных традиций, воспринимаемых все более как часть этнической культуры или «пережитки прошлого» [6].

Кстати, о культуре. Третьим, можно сказать глобальным, следствием Октября и смены идеологии в государстве стала так называемая «культурная революция». И этот сюжет истории в целом уже осмыслен, хотя только в советской историографии, т. е. относительно тенденциозно. Поэтому мы напоминаем о нем, выделяя при этом то, что важно для нас в контексте данной статьи. В советскую эпоху формировалась совершенно новая культура не только в привычном понимании ее как системы идеалов, моральных ценностей, ритуалов, праздников, обрядов, этических норм и эстетических представлений, материальных ресурсов и технологий, но еще и прежде всего как тип сознания, рефлексии, а также как общее мировоззрение, мотив к оценке всех событий окружающей действительности. Это есть комплекс представлений «о мире и о себе». В этнологии его называют самосознанием или идентичностью.

Сказанное выше – это только самая обобщенная, хотя и достаточно точная и осмысленная характеристика гуманитарных итогов развития советского общества. Нам она нужна для того, чтобы правильно понять исходные условия, в которых начиналось после распада СССР возрождение институтов религии, духовного образования, науки и культуры. Мы видим, что они (условия) были непростыми, и этим, видимо, был обусловлен тот факт, что весь процесс так называемого возрождения протекал и теперь еще развивается и противоречиво, и непросто. Но тем не менее, подводя итог периода развития 1990–2010-х гг., мы можем не только констатировать, что позиции религии и ее основных институтов в обществе восстановлены, но и оценить некое качество этих перемен. Мы затронем только проблемы образования и науки.

В России сегодня, спустя четверть века с момента распада Советского государства, уже действуют исламские институты, университеты и высшие медресе в Москве, Башкортостане, Татарстане, Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Нижегородской области. Всего по разным оценкам их от 7 до 10. Точное число указать трудно по той причине, что эти учебные заведения имеют различный статус с точки зрения официальной государственной регистрации. Из официальных и (или) зарекомендовавших себя как дающих качественное высшее образование выделяют обычно Казанский (Российский) исламский университет, Московский исламский университет (официально – институт), Северо-Кавказский исламский университет им. имама Абу Ханифы в Нальчике, Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки в Махачкале, Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи в Грозном.

В числе шести ведущих вузов находится и Российский исламский университет (РИУ) ЦДУМ РФ в Уфе. Он же был создан на базе самого первого в постсоветской России возрожденного мусульманского «медресе» (института) при Центральном духовном управлении мусульман РФ (ЦДУМ), преобразованного (переименованного) затем в Исламский институт, а в 2003 г. получившего официальный статус университета. Ниже мы подробнее расскажем об этом.

В процессе «возвращения» духовное мусульманское образование в России 1990–2000-х гг. прошло несколько последовательных и вполне закономерных стадий в своем становлении и развитии. Подробности этого процесса и своеобразии каждой из стадий мы описывали в нескольких статьях [7]. Сегодня мусульманское высшее образование вступило, на наш взгляд, в очередной

этап, когда большинство специалистов понимает необходимость систематизации образовательного пространства, внедрения таких новых для ислама понятий, как «государственный образовательный стандарт» (имеется в виду общероссийский и необязательно формальный) или «единая система многоуровневого образования», и многие другие. Объективно постановка таких задач стала возможной и осознанной только теперь, когда после почти четвертьвекового пути восстановления позиций ислама в России достигнуты определенные успехи.

Теперь в стране есть немало подготовленных не только светски, но и по наукам шариата мусульман. Стало достаточно образованных людей, просвещенных в исламе. Времена скоротечного обучения для быстрого пополнения кадров духовенства (1990-е – начало 2000-х) прошли. Растущая численно и «молодеющая» мусульманская умма (араб. 'община') уже не удовлетворяется существующими условиями и даже содержанием учебного процесса в мусульманских вузах.

Кроме того, начальный период возрождения исламского образования (первая половина 1990-х гг.) породил немало проблем, одной из которых является проникновение в культуру российских мусульман чуждых традиций и идеологических течений, в том числе и экстремистских. Поэтому к началу 2000-х государство всерьез задумалось над необходимостью взять под свой контроль все сферы религиозной жизни граждан, включая и развитие систем образования и науки. Можно сказать, что в этой части совпали интересы и уммы (мусульманской общины), и государственной власти, озабоченной борьбой с радикальными движениями и поддержанием порядка в стране. Так или иначе, на данном этапе актуальным для развития культуры мусульманского общества в целом стал вопрос о создании фактически новой системы духовного образования. Это обширная и специальная проблема, находящаяся в плоскости сразу нескольких наук – педагогики, экономики, менеджмента, юриспруденции, и это только если затрагивать аспект организации системы. Если же коснуться еще проблемы содержания мусульманского образования, круг научных направлений, в которых будет развиваться моделирование системы (при условии, конечно, что общество понимает необходимость фундаментального подхода в этом вопросе), существенно расширяется.

Поэтому если в 1990 г., к началу становления систем религиозного образования, в стране почти не оставалось грамотных богословов и специалистов, способных эту работу организовать, то к началу 2020-х речь уже пойдет исключительно о качестве духовного образования, о реализации планов развития науки и формировании гуманитарной элиты – социальной когорты «мусульманской интеллигенции». И не случайно, что теперь (примерно с середины 2-го десятилетия нового века) к задачам воссоздания систем мусульманского высшего образования государство начинает привлекать академические, педагогические и востоковедческие (исламоведческие) структуры, в частности кафедры МГУ и СПбГУ, ученых – экспертов ИВ РАН. В числе задач, поставленных государством перед светскими учреждениями, выделяется обязательное содействие созданию (или возрождению) богословской традиции, точнее «отечественной богословской школы».

Важно отметить, что исламская научно-богословская школа, складывающаяся в Уфе, и ее образовательная основа – РИУ ЦДУМ имеют свои отличительные черты в уже сложившейся, новой системе мусульманского духовного образования. Они связаны и с дореволюционной традицией, и с новейшей историей духовного образования на Южном Урале. Его возрождение в постсоветскую эпоху началось формально в 1989 г., когда на основании Постановления Совета по делам религий Кабинета министров СССР в Уфе при Центральном духовном управлении мусульман европейской части СССР и Сибири было воссоздано первое высшее учебное заведение – двухгодичное медресе по подготовке имамов и священнослужителей. И поскольку за годы советской власти представления общества о высшем образовании существенно изменились, видимо отвечая стереотипам времени и современным требованиям развития высшего образования (требующего, кроме прочего, обязательного государственного учета и лицензирования), на базе этого медресе Центральное духовное управление мусульман России основало Исламский институт им. Ризаэтдина ибн Фахретдина.

В 2001 г. исламский институт им Р. Фахретдинова занял корпус медресе «Галия» и вскоре был преобразован в Российский исламский университет, который обрел официальный статус (государственную регистрацию и лицензию) в 2003 г. Его базовой структурой стали группы очного обучения. Университет рос синхронно с возрастающей потребностью общества в духовном образовании. Усиленный интерес старшего поколения к изучению основ ислама обусловил открытие на базе построенной еще в 1998 г. соборной мечети «Ляля-Тюльпан» заочного и вечернего (очно-заочного) отделений университета. Так, за два десятка лет существования, пройдя путь от маленького медресе при единственной уцелевшей в советскую эпоху в Уфе «Тукаевской» мечети до полноценного университета, это первое в постсоветской России высшее учебное заведение ислама подготовило более 1500 имам-хатыбов для приходов мусульманских общин России и стран СНГ. Одновременно в

статусе медресе развивались филиалы РИУ в городах Октябрьском, Ульяновске, Оренбурге, селе Алькино Самарской области. Время вносило коррективы и в принципы организации учебного процесса, и, соответственно, в структуры управления. Они были обусловлены увеличением численности студентов всех отделений, повышением требований к качеству преподавания в вузе, усилением внимания государства к вопросам духовного образования, уточнением целей и задач деятельности РИУ, естественным умножением направлений его работы.

Ситуация стала особенно активно изменяться в 2007 г. в связи с утверждением по инициативе президента России В.В. Путина государственной программы РФ «По поддержке духовного образования, воспитания толерантности, профилактики экстремизма и подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама». В числе мер по реализации программы были созданы государственный «Фонд поддержки исламского образования, науки и культуры» и Консорциум ведущих светских и исламских вузов, который был призван способствовать повышению квалификации преподавателей мусульманских медресе, институтов и университетов, налаживанию в них оптимального учебного процесса и повышению качества обучения. В конце 2007 г. РИУ ЦДУМ РФ вступил в Консорциум, оформил договорные отношения с вузом-партнером – Башкирским государственным педагогическим университетом (Уфа) и активно занялся формированием новых учебных планов и программ обучения. Это отразилось на изменениях в структуре университета. В 2007–2008 гг. были конституированы: теолого-педагогический факультет, разделенный на два отделения (женское и мужское), факультет основ вероучения и истории ислама из двух отделений (очно-заочного и заочного). В 2010 г. был создан факультет переподготовки, повышения квалификации и дополнительного образования. Филиалы РИУ ЦДУМ в середине 2000-х гг. обрели самостоятельный статус средне-специальных учебных заведений (которым было придано старинное название – «медресе»), получив лицензии региональных отделов образования.

Таким образом, в Уфе складывается региональная высшая школа духовного образования. Необходимость предложенного выше обзора этапов ее становления обусловлена тем, что в деятельности РИУ и подобных ему учебных заведений мы имеем дело с новым с точки зрения развития науки, в том числе и востоковедения, явлением современности, а если точнее, с целым рядом новых явлений и их следствий. Во-первых, университеты – это новые формы для мусульманского образования (по меньшей мере в России, хотя и для всего «мусульманского Востока» это также актуальный тезис). Во-вторых, исламские университеты становятся «центрами альтернативы» светскому исламоведению. Пока они еще только набирают потенциал, усиливают квалификацию исследователей, наращивают научные структуры количественно. Рано или поздно количественные показатели перерастут в новое качество. Это аксиома универсальная, но применительно к исламоведению появление в цехе исследователей такого субъекта, как теологические учреждения, факт, требующий внимания с позиций и науковедения, и общей философии. И если в отношении теологических (т. е. богословских) изысканий нет никаких особых противоречий в понимании сопричастности к ним РИУ, то в отношении исламоведения следует обратить внимание на то, что в историографию входит новая традиция, а именно та, о которой мы говорили выше. Изучать, осмысливать и описывать историю, культуру, каноны и традиции, юриспруденцию ислама начинают специалисты, знающие ислам (современное конфессиональное сообщество). Уникальность этой рефлексии, ее полезность и качество предстоит оценить в обозримом будущем.

На данный момент можно констатировать, что сложились новые условия и сформированы кадры, способные не только к самостоятельной и квалифицированной педагогической деятельности на уровне высших учебных заведений, но и к научной. Причем это касается и сферы чистой теологии, и, помимо исламоведения, других, так называемых светских, пока еще только гуманитарных наук. Участие практикующих мусульман в культурологических, социологических, этнологических, исторических, философских, педагогических и собственно богословских исследованиях станет новым и ярким феноменом гуманитарной науки в России. Прежде всего сказанное относится к общему востоковедению и его особому разделу – арабистике, также к философии и, вероятно, к юриспруденции.

Можно предположить, что качество исламоведческих и в целом востоковедческих исследований от этого только улучшится, ведь в науку будут приходить специалисты, знающие ислам не только с внешней стороны.

Мы не можем и не должны в связи с этим отказывать религиоведам, в частности исламооведам, скажем советской эпохи, в доверии. Многие из них были и остаются выдающимися исследователями. Важно подчеркнуть, что, когда ученые находятся в поле сугубо научных методологий анализа, их исследования, какими бы идеологизированными они ни были, всегда будут вкладом в развитие различных аспектов науки, в нашем случае – исламоведения, либо с точки зрения источниковедческой, либо в фактологии, либо в осмыслении тех же религиозных мотивов в их связи «с прозой жизни» [8].

К тому же, вопреки бытующему мнению, что только советская эпоха характеризуется внешней и не всегда объективной исследовательской оценкой ислама и его культуры, мы уверенно можем утверждать, что это не совсем так. В дореволюционный период образцы субъективного восприятия ислама и его культурно-исторических проявлений или его философии встречаются в так называемой «миссионерской» (православной) историографии [9].

Все сказанное подводит нас к простому выводу относительно методологии научных исследований, в данном случае исламоведческих, а в принципе любых исторических, этнологических, социологических и культурологических. Изучение любой «соционормативной» культуры, традиции сообществ, особенно конфессиональных, их взаимодействий должно сопровождаться стремлением проникнуть в их иррациональную внутреннюю сферу. В точных и естественных науках такое проникновение не всегда возможно. Хотя весь вопрос в том, как понимать задачу. Но в гуманитарных науках, а тем более социальных это не только возможно, но и, повторяем, необходимо. Т. е. любой социальный объект может быть понят и оценен полноценно, если он не только описан в части свойств и внешних проявлений, но изучен изнутри, с точки зрения внутренних связей и противоречий. Ярким примером такого проникновения является этнология, основным методом которой считается так называемое «включенное наблюдение», длительное пребывание исследователя в среде обитания изучаемого этноса.

В сфере религиозного образования и науки, как, впрочем, и науки рациональной (светской), этот круг вопросов до недавнего времени рассматривался в рамках религиоведения (касательно ислама – в исламоведении). Но сравнительно недавно благодаря усилиям Русской православной церкви и при согласии других конфессий ВАК России утвердила новую научную и учебную специальность – «Теология». Споры о ее предмете, временами об основном объекте и общих задачах все еще продолжаются [10]. И это закономерно. Такова судьба всех наук на стадии их становления. Хотя в дискуссии о теологии вопрос стоит даже в плоскости признания или непризнания ее наукой. В действительности проблема не в этом признании, а в том, к какой сфере мировоззрения, системе наук ее отнести. Из этого определения вытекает много следствий как организационного, так и сущностного плана, так как внесение теологии в государственный стандарт образования и подготовки научных кадров автоматически ставит задачу организации соответствующих структур, обеспечивающих этот процесс.

Если теология как научная отрасль сумеет отстоять свой объект и четко очертит свои рамки, ее ожидает будущее, насыщенное событиями и новыми открытиями. Если нет, полагаем, сложно будет вписать ее в систему учебной номенклатуры, научных степеней и званий.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена в рамках реализации государственной программы «Подготовка специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» в 2017–2020 гг., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р с изменениями от 20 декабря 2017 г. № 2878-р и от 8 июня 2018 г. № 1148-р «Организация и проведение методологических семинаров с целью обсуждения содержательных аспектов реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама».
2. Словосочетания «70 лет», «семидесятилетие» или все производные от них в постсоветской обыденной речи и отчасти в историографии, политологии, социологии и особенно в журналистике стали уже устоявшимися понятиями, не требующими даже хронологического окаймления (1917–1987) и обозначающими в лучшем случае «советскую эпоху», но чаще сопровождаемыми определениями типа «семьдесят лет тоталитаризма, деспотии, антидемократического режима». Следует помнить, что эти определения носят скорее эмоциональный, чем научный характер. Действительное содержание этой эпохи глубже, многообразнее и не подлежит однозначным оценкам.
3. В «народе» и в некоторых пропагандистских нарративах эта политика получила название «воинствующий атеизм». Атеизм был официальной идеологией вплоть до начала 1990-х. Существовало даже специальное Государственное издательство атеистической литературы (ГАИЗ). Кроме того, в СССР была учреждена общественная организация «Союз воинствующих безбожников» (1925–1947). Она учредила и курировала ряд специальных изданий на разных языках: газету «Безбожник», журналы «Безбожник», «Юные безбожники», «Воинствующий атеизм» и др.
4. Покровская С.В. Союз безбожников: история становления и структура организации (1924–1929 гг.) // Наше отечество. Страницы истории. Вып. 2. М., 2004. С. 120–127; Элбакян Е.С. Некоторые аспекты взаимосвязи социальной справедливости с процессом становления и преодоления религии // Человек в современном мире: социально-философские проблемы: VII Всесоюз. филос. чтения молодых ученых. М., 1987. С. 15–18.
5. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 2002. 784 с.; Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л., 1956. 500 с.
6. Басилов В.Н. Народная культура в исламе и задачи ее исследования // Ислам и народная культура. М., 1998. С. 7–16; Сумарокова О.Л. Народный ислам как основа культурных и просветительских традиций на территории Киргизии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2013. Т. 13, № 9. С. 62–66.
7. Раев Р.А., Якупов Р.И. Исторические традиции и новации в духовном образовании // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI в.: V Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2012. С. 19–23; Якупов Р.И. Теология: наука и образование в начале XX в. // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI в.: материалы междунар. конф. Уфа, 2014. С. 127–132.
8. Басилов В.Н. Указ. соч. С. 6–7; Бобровников В.О. Колхозы и ислам в современном Дагестане // История и современность. 2006. № 1. С. 155–177.

9. Валеев Р.М. Г.С. Саблуков и отечественное исламоведение (50–70-е гг. XIX в.) // *Историография Ирана нового и новейшего времени*. М., 1989. С. 23–26 ; Остроумов Н.П. *Коран и прогресс*. Ташкент, 1901. 257 с. ; Frye R.N. *Ibn Fadlan's Journey to Russia: A Tenth-Century Traveler from Baghdad to the Volga River*. New Jersey, 2005. 160 p.
10. В России защитили диссертацию по теологии. Это что, наука такая? [Электронный ресурс] // *BBC News*. 2017. 3 июля. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40139414> (дата обращения: 14.12.2018) ; Марксизм и современность. 2009. № 1 (45) ; Теология в системе научного знания и образования : материалы слушаний в Общественной палате Российской Федерации. М., 2008. 115 с. ; Митрополит Иларион (Алфеев). Теология в современном российском академическом пространстве // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 3 (34). С. 224–239 ; Черноморец Ю. Теология как наука [Электронный ресурс] // *Русский журнал*. 2012. 17 янв. URL: <http://www.russ.ru/pole/Teologiya-kak-nauka> (дата обращения: 14.12.2018) ; Элбакян Е.С. Теология – не наука // *Ученый совет*. 2011. № 3. С. 24–26 ; Ее же. Теология в земных реалиях // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2016. № 1. С. 118–128.

References:

- Bartold, VV 2002, *Works on the History of Islam and the Arab Caliphate*, Moscow, 784 p., (in Russian).
- Basilov, VN 1998, 'Folk Culture in Islam and the Tasks of its Research', *Islam i narodnaya kul'tura*, Moscow, pp. 7-16, (in Russian).
- Bobrovnikov, VO 2006, 'Kolkhoz and Islam in Modern Dagestan', *Istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 155-177, (in Russian).
- Chernomorets, Yu 2012, 'Theology as a Science', *Russkiy zhurnal*, Jan. 17, viewed 14 December 2018, <<http://www.russ.ru/pole/Teologiya-kak-nauka>>, (in Russian).
- Elbakyan, ES 1987, 'Some Aspects of the Relationship of Social Justice with the Process of the Formation and Overcoming of Religion', *Chelovek v sovremennoy mire: sotsial'no-filosofskie problemy : VII Vsesoyuz. filos. chteniya molodykh uchennykh*, Moscow, pp. 15-18, (in Russian).
- Elbakyan, ES 2011, 'Theology is not Science', *Uchenyy sovet*, no. 3, pp. 24-26, (in Russian).
- Elbakyan, ES 2016, 'Theology in Earth Realities', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 118-128, (in Russian).
- Frye, RN 2005, *Ibn Fadlan's Journey to Russia: A Tenth-Century Traveler from Baghdad to the Volga River*, New Jersey, 160 p.
- 'In Russia a PhD Thesis on Theology was Defended. Is that a Kind of Science?' 2017, *BBC News*, July 3, viewed 14 December 2018, <<https://www.bbc.com/russian/features-40139414>>, (in Russian).
- Krachkovsky, IYu 1956, *Selected Works: in 6 vols*, vol. 3, Moscow, Leningrad, 500 p., (in Russian).
- Marksim i sovremennost'* 2009, no. 1 (45), (in Russian).
- Metropolitan Hilarion (Alfey) 2016, 'Theology in the Modern Russian Academic Space', *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3 (34), pp. 224-239, (in Russian).
- Ostroumov, NP 1901, *Koran and Progress*, Tashkent, 257 p., (in Russian).
- Pokrovskaya, SV 2004, 'The Union of Atheists: the History of Formation and the Structure of the Organization (1924-1929)', *Nashe otechestvo. Stranitsy istorii*, iss. 2, Moscow, pp. 120-127, (in Russian).
- Raev, RA & Yakupov, RI 2012, 'Historical Traditions and Innovations in the Spiritual Education', *Idealy i tsennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI v.: V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Ufa, pp. 19-23, (in Russian).
- Sumarokova, OL 2013, 'Popular Islam as the Basis of Cultural and Educational Traditions in the Territory of Kyrgyzstan at the Turn of the 19th – 20th Centuries', *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*, vol. 13, no. 9, pp. 62-66, (in Russian).
- Theology in the System of Scientific Knowledge and Education: Materials of Hearings in the Public Chamber of the Russian Federation* 2008, Moscow, 115 p., (in Russian).
- Valeev, RM 1989, 'G.S. Sablukov and Russian Islamic Studies (50-70s of the 19th century)', *Istoriografiya Irana novogo i noveyshego vremeni*, Moscow, pp. 23-26, (in Russian).
- Yakupov, RI 2014, 'Theology: Science and Education in the Early 20th Century', *Idealy i tsennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI v.: materialy Mezhdunar. konf.*, Ufa, pp. 127-132, (in Russian).